

ПОДНИ ОУДВІЮ КОЛБІ
БОЙ ПО ЛБУ ПРОБІВАЄТ
ЮРА КОЛБЕННИЙ КАКИ

18+

НУ, КОЛБА – ТАК КОЛБА!
НА МОСТУ КУПИЛИ БЕЛ
СЫЙ СОРСЕМ БЕЗ РУК

Юра Колбенный

Ну, Колба – так Колба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74035177

*Ну, Колба – так Колба / Юра Колбенный: Де`Либри; Москва; 2026
ISBN 978-5-4491-3116-4*

Аннотация

Так сейчас никто не пишет. Здесь нет гламура и фальши. Есть сильная, пронзительная исповедь, non-fiction, простого рабочего человека, которому в школе дали прозвище Колба.

Вы можете любить или не любить поэзию. Эта книга – лишь по стилю поэзия, где каждая страница – это действие, в бунтарской интонации которого угадывается эстетика Лимонова, в рубленой ритмике – мощь Высоцкого.

Это о подлинной любви и страсти, порой перерастающей в выстрелы, о месте маленького человека в большом, кичащимся своим богатством, городе.

Юра Колбенный – не выдуман. Он и правда, работает на производстве, а ночи превращает в строчки, сопровождая их милыми иллюстрациями.

Как верно подметил один из классиков, искусство затыкает в душе ту же дыру, которая приходится на религию. Колба не очень-то тяготеет к религии, выворачивая душу наизнанку наболевшим, даря читателю самое ценное: правду о том, как мы теряем и продолжаем искать в эпоху глобальных катастроф и перемен.

По ряду причин в эту книгу вошло далеко не все, но она – не последняя.

Откройте сборник. Здесь всё по-настоящему.

Содержание

Колба	7
На мосту	9
22	13
Две вазы на воображаемом камине	17
1. Машута	17
2. Заведка	19
3. Раненый зверь	20
4. Гоша	22
5. M+G = BMW	24
6. Гоша	26
7. Машута	29
8. Собственно, вазы	30
9. Эд	32
10. Ballade de Melody Nelson (Ser ge Gainsbou rg)	34
11. Машута	35
12. Гоша	37
13. Годы	40
Гончая	42
Вдруг	44
Gucci	46
На трубе ли, под трубой	47
Конечно	49

Чудак на букву «М»	50
Porsche Cayenne	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юра Колбенный

Ну, Колба – так Колба

Иллюстрации автора

D E L I B R I

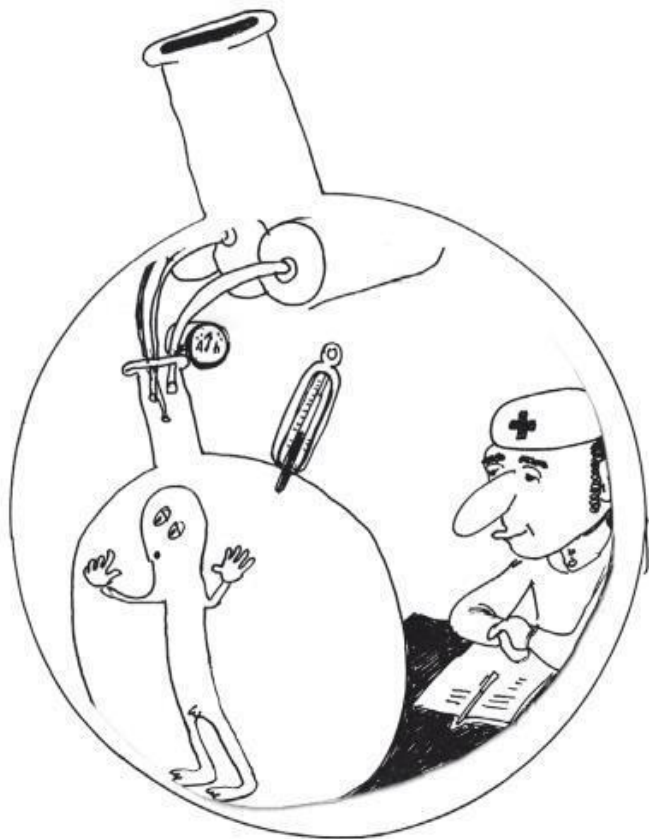
© Ю. Колбенный, текст, 2026

© Ю. Колбенный, иллюстрации, 2026

Колба

(предисловие)

Я родился недоноском, врачи думали – умру,
видно, мамкиному чреву не пришёлся ко двору,
август шёл, ночь отступала перед летнею зарёй,
в барокамере лежал я, обоссался, сам не свой.
Так, гомункулусом в колбе, был произведён,
как сопля, худой и дохлый, не был я силён.
В школе дали кличку «Колба», обидно дразня.
Но теперь уже – не важно, не трогает меня.
Книжку в жизнь я запускаю, словно щепку в ручеёк,
мне не знать, да и не ведать, близок путь или далёк...
Может, щепочка потонет, не проплыв и двух шагов,
может, доплывёт до Волги – скажем, основы основ...

На мосту

1987

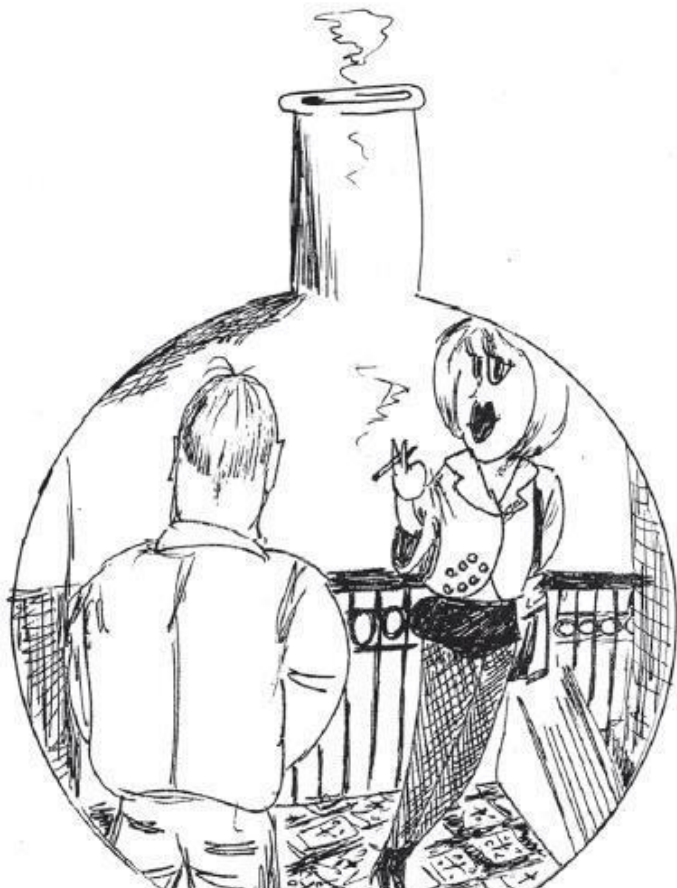
Мы стояли на мосту. Курили.
Чем занять ноябрьский вечер?
Мы в цеху до четырёх были,
из фанеры клепаем мебель детям.
Саша стар в кореша, уж за сорок,
а Серёга – старшей лет на десять;
«жигулёвское» на глаз – морок,
в сумке хлеб, на уголках плесень.
Рубль круглый, Ленин железный.
Мелочишка с карманов в ладонь.
«Эй, Серёжа! Послушай, любезный,
за портвейном сбегать изволь».
Я моложе, но что скажешь тут?
Очко есть, двадцати одного – нет.
Водку просто не продадут,
ни с торца, ни с задворков в обед.
Ни портвейн, ни краску Алжира,
даже пиво, пожалуй, никак.
Только этим с ребятами живы.
С реки ветер. Курим в кулак.
А Москва несёт тёмные воды
между набережных из камня.
Напиваемся мы, как уроды,

и ресницы нависли как ставни.
И походкой нетвёрдой в троллейбус,
в коммунальный схрон серого волка.
Что приносит работа? Вот – ребус!
Да лишь горе, да всё без толку.
Наши прадеды брали Зимний,
молодых юнкеров истребляя,
внутри просто осенние ливни,
понедельник когда наступает.
На душе – наводнение, цунами!
Ненавистой, проклятой работы.
Что же сделалось со всеми нами?
Давай выпьем вдогон, до блевоты.
Мы стоим на мосту, покурили.
Мы бросаем окурки в воду.
Наши прадеды нас надурили.
Ну такая у нас свобода?..
И её ты иллюзий тонких
не увидишь, что верно – то верно,
смерть взмахнёт косою – и звонко
срежет головы предпенсионерам.
Не живёт долго люд рабочий,
не живёт, как и люд служивый;
я в троллейбусе сплю, между прочим,
будем рады, пока что живы!
И водитель потом на конечной
попинает мои галоши.
Да, конечно, я не безупречный,
но ведь, сука, всё же хороший!

Обшманав для порядка карманы,
он не сдаст меня в вырезатель.
Солидарен со мною, пьяным,
что ж, проехал свою обитель...
Он сажает меня на скамейку,
прислонив воротник к металлу,
я дышу внутрь, в телогрейку,
чтоб немного теплей стало.

22
1989

Мы на Патриках, нам – двадцать два.
Горбачёв набирает в шприц яд.
Перестройка. Пустые слова
разрушают наш смысловой ряд.
Ускорение. Перестроение.
Ноги Лизы сводят с ума.
Небольшого ума настроение:
за такие – хоть смерть, хоть тюрьма!
Говоришь, знаю ль я о Булгакове?
К моему стыду, «нет» – ответ.
Апдайк, Стейнбек – Джоны всякие,
это то, что было в цвет.
Я пытаюсь предстать другим,
хоть немного быть привлекательней.
Робко глазки стоял опустив
в коридоре, перед твоей матерью.
Я – никто в представлении отца.
В чёрной «Волге» ездит он, не в такси.
Слишком прост я, от сих до сих,
как на рынке с черешней грузин.
И ухаживать я не умел:
в театре глупости спрашивал вскользь,
в поцелуях в подъезде был смел,
но у ваших дверей – снова врозь.
А потом – Лизы ночью звонок:
– Одиноко! Давай говорить?
Многословие – общий порок,

тут беды бы не натворить.
А гормоны сводят с ума,
не обжечься пытаемся оба.
На всю жизнь ищешь ты в двадцать два,
с нетерпением ждёшь пробы.
И неважно, читал ли Булгакова,
его «Мастера с Маргаритой», —
у окна ты от счастья плакала,
мы курили в постели раскрытой.
Жизнь казалась далью бескрайнюю,
полной радостей и надежд;
над Москвой занялось утро раннее,
крася розовым ворох одежд.
А потом вдруг страна разверзлась,
в ад крошечный катились вниз.
Расставание всегда, всегда – мерзость!
Ты уехала. You're Gone, my Leeza.
Я искал твои ноги длинные,
в мини смелые целил взглядом.
Страсти были те половинные,
а плешивый убрал шприц с ядом.
Подыхала страна, мать великая,
жиды деньги меняли, спеша.
Я поехал бы, правда, любимая,
только вновь у меня – ни шиша.
И болтался, тоскою измученный,
неоправданной ревностью тоже;
там, где ты, у Дуная излучины,
похотливые чёрные рожи.

Торговал, воровал, и не раз был бит,
баксы комкал и прятал в носки.
Стали жёсткими наши streets,
А жестоким стал я. Прости.
А ты пишешь мне письма нежностью,
я пишу тебе кровью капающей,
у меня сжимает в промежности,
представляю мужчин, тебя лапающих.
Я ночами ножами режу их,
с «калаша» во снах бью одиночными.
Я приеду. Ведь я же псих!
Посиделками полуночными.
Будапешт, Эстергом, Вишеград...
Улыбается старый таксист:
– Perestroyka! – Чему, дурень, рад?
Кем ты был-то? Хортист? Вишист?
Я почувствовал дом ваш каменный,
взгляд холодный, как сталь, отца.
Тыпусти меня. Я – израненный.
И по пыльной щеке – слеза.

Две вазы на вообраземом камине 1993–2023

1. Машуга

Подселилась я в Доме литераторов,
я свой бег остановила тут на ночку.
Зайцем в электричках – все затраты,
подновить пришла пора оболочку.
А заведка мне сказала: «Ты – хорошая»,
порешивши мою молодость пользоваться,
и мой хайр с мелированием¹ взъерошила,
и на шконку мне – комплект белья с розами.
Что, родители? Родаки – это временно.
В алкогольном раю кружат парюю,
не бухала мать, лишь мной беременна,
и была ещё тёлкой не старою.
А потом пошли у них драки пьяные,
и обломки зубов в фаянсе раковины,
и не Машей называли – сукой драною,
сколько раз в шкафу сидела, плакала...

---

¹ Здесь нет исторической неточности, мелирование существовало в Москве и в начале 90-х, своё представительство открыла немецкая компания «Шварцкопф», предлагая новые способы окраски даже в домашних условиях.

2. Заведка

А заведка дала книжку мне Довлатова²
и журналы «Огонёк» с киноактрисами,
чтоб в любовный треугольник литераторов
по команде я ложилась биссектрисою.
Я ответила раз: «Дарья Петровна!
Не для этого шла путь неблизкий,
чтобы снова за здорово-здорово
вместо счастья искать мне пиписьки!»
Так и думала, она сразу: «Деточка!
Уж поверь: счастье, птица та – редкая,
а на трассе – так потом небо в клеточку,
или в сердце войдёт заточка меткая.
Поднакопишь понемножечку денежек,
купишь домик на море, солнцем залитом,
ну а счастье ищи, коль не ленишься,
рядом бродит оно, ждёт, чтоб брали-то...»

---

² И здесь нет исторической неточности. Первые книги известного писателя С. Довлатова были изданы в постперестроечной России в 1990–1991 гг., такие как: «Заповедник», «Зона», «Компромисс».

3. Раненый зверь

Я не знала, как ловить принца нежного,
не старьё, одеколоном брызганное.
Звал поехать с ним один в Незалэжную³,
и совал купюры, маслом замызганные...
Я не знала, кто любить станет пламенно,
ну, хотя бы приласкает зверя раненого,
с отвращением вспоминала лицо мамино —
укоризненное, водкой затуманенное.
И ходила в номера к литераторам,
с умным видом научась слушать глупости.
Глупости и отличают от богатого
бедняка, только как это произнести?
Эти ж были жёнами подвыпотрошены
и обглоданы детьми ненасытными;
почти каждым про жизнь мою спрошено,
и обещана в Москве судьба сытная.
Мне читали строки Блока плаксивого,
называли меня музой вдохновения,
на двоих меня делили, шаловливые,
показав двойное мне проникновение.
Их посмотришь – вроде люди культурные.

---

³ Незалэжная – сленговое название Украинской ССР, отделившейся от СССР в августе 1991 года в результате референдума и попытки госпереворота, (т. н. «августовский путч»).

Их послушаешь – подлецы вокруг, предатели.
Да и сами – проститутки конъюктурные,
эти сморщенные жопы птеродактиля.
Гоша в жизнь мою ворвался нечаянно.
В куртках кожаных вошли, и бар примолк;
их движения были слажены, спаяны,
уж в движениях-то уже я знала толк!
По-хозяйски расселись, зал проглядывая,
словно волки экипаж из темноты...
Меня током шибануло, дуру блядовую,
когда взглядом со мной встретился ты...

4. Гоша

Конец марта – приколен. Вроде не зима,
два шага сделал в солнца луч – и лето!
Два шага под навес: темно и снег – зима!
Солнце не греет так, как греет эта,
почти порвавшая подкладочный карман,
шуршащей зелени из двух валют «котлета».
Валют из двух больших, великих стран.
Тебя тащил как в номер, и не вспомнишь!
Ведь, может быть, тащила ты меня...
И улетаю. Детка, ты – зверь? Гонишь!
Красиво гонишь, голоском звеня...
Мои ладони от гантелей все в мозолях,
как молодого первохода⁴ на тюрьме,
и я тебе, зверюге, не позволю,
чтоб ты хоть в чём— то отказала мне.
Мои мозоли трут о твою кожу, и пальцы тело сжали
докрасна,
исходит потом раскрасневшаяся рожа... как каплями –
весна.
Конец марта – приколен. Всё ж не зима,
но как-то слишком далеко до лета!
И если не считать духов Climat,

---

⁴ Первоход (крим. жаргон) – заключенный, впервые попавший в исправительно-трудовое учреждение.

на зверя ничего и не надето.

5. M+G = BMW

Что хочу, ты не особо-то и спрашивал,
моё мнение не ставил ты ни в грош,
но так нужно для счастья было нашего.
Мой Мальчиш-Плохиш, мой Кибальчиш-Гаврош.
Ты решил так, моим став повелителем.
Ты не лгал, ну кто же зверю лжёт?
Зверь отдался на милость победителя.
Зверь не знал, что его дальше ждёт.
Мой нехитрый скарб в багажник кинули,
мой жопешник – на баварский сел велюр.
И мы исчезли вмиг, как будто сгнули,
как The Flying Dutchman⁵ с исторических гравюр.
Ты сказал: в Гольяново – хатёнка,
чтоб зашхерилась⁶, клиентов наберём...
Чтоб не вздумала себе рожать ребёнка,
а перечить будешь – жопу надерём!
Хвастал «бэхой» – стёкла атермальные,
как от солнца изменяют цвет,
я смотрела, дыша как ненормальная...

---

⁵ The Flying Dutchman (англ.) – «Летучий Голландец», – легендарный парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу, и обречён вечно бороздить моря.

⁶ Зашхериться – это выражение пришло в наш лексикон с военного флота, означавшее, что ты должен найти шхеру, складку местности, чтобы спрятаться, затаиться.

Мне казалось: в мире лучше тебя нет.

6. Гоша

Валили с делюги, победы кураж немного пьянил пацанов
И вот эндорфин у них попросил «Распутин»,
ну или вино...

– Я – сверху! Я – снизу!⁷ – Распутин сказал, сощурившись
бородой.

И «Волга» качнулась, как старый баркас над серую
мутной водой.

Мы лихо наставили ствол да обрез на бедного
на продавца.

Два чёрных зрачка, изрыгающих смерть, улыбку убрали
с лица.

Нехитрая выручка, блок сигарет да тройку бутылок
бухла,

фантазии больше и времени нет, сказали:

«Сожжём дотла!»

И прыгнули в «Волгу», Руслан – по газам, рычание,
сзади – дым...

А тот паренёк – из двустволки вслед нам! В натуре,
так станешь седым!

Грохочет кардан, стекла заднего нет, у Мишки

---

⁷ «Я – вверх, я – вниз» – телевизионная реклама водки «Распутин», где мужчина с этикетки указывает на расположение товарных знаков, исключаящих подделку.

скржавлено ухо,
пора разбежаться, машину бросать, пора затаиться глухо.

В Гольяново я захожу в магазин, осколки смахнувши
с пальто,
индийская музыка, это «Ганг»⁸, для ГАНГстеров —
самое то!

Наверное, совковый во мне рудимент: всего я беру по два,
за третьей бежать потом всё равно, а так – пустые слова.
Две вазы я выбрал работы ручной, где чёрное и с
золотым.

Вот так вот всегда. Начнёшь – и вот: лавэ превратятся
в дым.

Я ей позвонил, но у ней был клиент. Сказала прийти
через час,
и с вазами я ломанулся в продмаг, шампанское там,
ананас...

Подробности помню мельчайшие я, как фрукт
за хвостик держал...

На льду поскользнулся, бутылку «Асти» два раза
на снег ронял...

В подъезде я слышал: хлопнула дверь, послушно гудел
лифт,

бросало в мандраж⁹, на газете вспотел фруктозой чёрный

---

⁸ Ганга – магазин в Москве, на Уссурийской улице, д.7–9, просуществовавший с 1978 по 1995 год, предлагавший индийские товары, такие как вазы, ковры, фарфор и проч.

⁹ Мандраж – неуверенность, чрезмерно высокое психо-эмоциональное напряжение.

шриффт.

Клиент торопливо покинул подъезд, оглядываясь по сторонам,
как будто жена следила за ним. Хотя, не дано знать нам.
За дверью я слышал шуршание ног, чего-то упавшего стук.

Машутка, давай, давай, открывай, твой лучший пришёл друг!

Халатик наброшен на голые плечи, неслышный радостный смех,

который дано лишь тому расслышать, кто ближе находится всех.

А я был всех ближе! Нос сунул за ушко, патлатую сдвинув прядь.

Чужим мужиком, пахнешь ты, потаскушка, моя драгоценная блядь!

Упали с меня две вазы с бутылкой, пальто нашло куда упасть,
по венам бежало и стучало гулко, кипела звериная страсть!

7. Машута

Так сладко лежать с тобой рядом... голышом на
узбекском ковре,
Крошки мять остывающим задом. Проходящая дрожь.
Ты уже не во мне...
Куда ж деть эти чудные вазы? Ведь свой дом пока не
потянуть...
– Небось, дорого стоят, заразы?
Ты небрежно ответил:
– Забудь.

8. Собственно, вазы

Одна – будто мужчина, юный торс мускулистый,
ни жирилки. Лишь чёрный блеск.

А другая – она расширяется книзу, и узоры по бёдрам.
Бурлеск!

Золотистым на чёрном – непростые узоры,
с типографского будто клише,
эти вазы – как пара влюблённых...

Захлебнувшись, со смехом, шампусь из бутылки,
я с тебя опьянела уже!

Вазы ставим на стол, будто это не стол, а камин в доме.
Будто мы просыпаемся утром, потянувшись в сладкой
истоме,
ты меня поцелуешь сонно. Грубовато, под гнётом лени.
Воображение рисует трофеи – ну, рога там, на стенах,
олений...

Отодвинешь мои ты ноги, и к камину – бросать
дровишек.

Счастья не было долго, парень. А теперь вон – даже
излишек!

Я бы многое дала, что имела, а за счастье – и что не
имела!

Я бы многое... просыпаться бы утром с твоим тёплым
телом...

Это было бы просто чудо: взять, заняться другим делом...

А другие, ну те, что за деньги... это мерзкая, но работа. Убежать от себя – это не от других. А то... жить иногда неохота.

9. Эд

Из Парижа кассеты музыкант мне привёз, достаёт
из барсетки.

– Почему и не дать за кассетки простой профурсетке¹⁰?

Эдуард – он хороший и, видать, благородных кровей,
и хотя про отца и не знает, говорил, что еврей.

Я его зацепила: с Маяковки в Гольяново прётся...

Но не только же ради любви простой, плотской!

Егор Летов и Кинчев¹¹ – мастера его как бы по цеху,

почему утонула у Летова Янка¹² – так и не въехал.

А я ему говорю: «Янке жить надоело, даже в песнях
сквозило», —

а он мне говорит, чтобы всякую чушь не пиздила...

У нас с ним единение, до чего он хороший!

Ну, пускай он хороший, но он всё же – не Гоша!

Эдуард – он ушастый такой, как Генсбур¹³,

---

¹⁰ Профурсетка (крим. жарг.) – профура, проститутка, женщина, торгующая своим телом.

¹¹ Егор Летов – известный рок-певец, музыкант, лидер группы «Гражданская оборона», Константин Кинчев – не менее известный музыкант, лидер группы «Алиса».

¹² Янка, Яна Дягилева, рок-певица, гражданская жена Летова, утонувшая в 1991 в возрасте 24 лет при невыясненных обстоятельствах.

¹³ Серж Генсбур – известнейший французский певец и композитор, прославивший французскую эстраду 60–70-х годов, написавший такие хиты как «69–aneе Egotique, Meiodi Nelson, Ge Tem» и др.

Хотя сравнивать хуй с пистолетом, как он сам говорит, –
чересчур!

10. Ballade de Melody Nelson (Сер ге Gainsbou rg)

Это – история о Мелоди Нельсон, которую никто, кроме
меня
не обнимал.

Удивительно, но это так. В ней было столько любви...
Бедная Мелоди Нельсон, да, целые тонны любви.
Но дни её сочтены: четырнадцать зим,
пятнадцать лет.

Зверушка эта Мелоди Нельсон. Милая злючка...
Ты была смыслом, Sine qua non¹⁴,
моего существования.

---

¹⁴ Sine Qua non (фр.) – видимо, в данном контексте: подтверждаю
безоговорочно.

11. Машута

Чиркал Эд перевод мне в тетрадку, словно дьяволом был
во плоти,
равнодушно внимала аккордам, что жалеть соску мне —
Мелоди?

Но когда всё же торкнуло где-то: умирать и в пятнадцать
годков,
ночью вытекли все мои слёзы, под удары в висках
молотков.
Плачем мы, когда нам себя жалко, это главный, пожалуй,
повод...

Во мне что-то замкнуло в восемнадцать, стала
как обесточенный провод,
когда мамины пьяные гости мне не дали познать,
что значит
сохранить себя для ЛЮБВИ, – а теперь-то кто
переиначит?

Как назло – ведь ни грамма спиртного, а таблетки —
ну лень! Лень!
Поскорей бы начался новый, тусклый, как все,
блядский день.

Почему ты не едешь? Это вечным пороком – проблемы,
дела...

И живу, отделившись от тела, тело прибыли я отдала.

Стрелки-тёрки-разборки: «Кто по жизни, давай обоснуй!»...

Чем паяльник кому-то, может, лучше в меня ты свой...

На тебя не имею права, так никто не имеет тоже!

Ну какое у нас право? Смотреть в телеке нервные рожи?

Обличает кого-то Доренко¹⁵, поднимая нервяк в стае...

Кто напиздил – живут красиво, бабы в брюликах и горностае.

Что же мы не живём как эти, подбираем лишь мелочь с лужи?

Я ведь тоже хочу быть элитой. И чтоб ты стал моим мужем!

Пистолетом подвинув законы, может, взять повезёт кусочек,

ведь совок, говоришь, сгинул, и России – новый росточек...

---

¹⁵ Доренко, Сергей – известный телекомментатор начала 90-х. Был выгнан с телевидения за репортажи о находящейся под санкциями Литве. Но, после восстановления в ВГТРК, ведущим программы «Вести».

12. Гоша

Пуля чуть обожгла сбоку шею, на излёте застряла в стене.
«Разрушаем всё до основания», – в ту секунду
подумалось

мне.

И под белой рубашкой в полоску цепь и шрам видны
по чуть-чуть...

Умирало страдальное сердце, окунувшись в чёрную жуть.
Сколько ж так пропадает по пьяни, стгоряча нажав на
курок!

Я обрез вырвал из рук дряни, но ударить прикладом...
не смог.

Почему ты моей хочешь смерти? Почему же стреляла
в упор?

От пощечин моих – слюни, кровь текла из ноздрей...
Хоррор!

Я хотел завязать с жизнью скотской. И уехать с тобой
подальше,
и попробовать жить как люди, без наездов, гоп-стопов,
фальши...

Ты кричишь¹⁶, что меня полюбила, парня сильного
и шального,

а не шваль-быдло из колхоза, куда вновь возвращусь
я снова...

---

¹⁶ Кричишь (крим. жарг.) – говоришь.

И что если я стану швалью, то самой жить уже нет толку, потому что ты не волчица, чтоб страдать, потеряв волка. А потом ты решила, что лучше, если я навсегда уйду сильным, молодым и красивым бандитом, утончённым таким... стильным...

Я тогда протрезвел за минуту, а тебя затолкал за подушки...

У меня на Петровке – пальцы¹⁷. Избавляться пора от пушки.

Отделив цевьё от затвора, ствол тёр одеколоном «Злата»...

Из окна разбрасывал части, дальше веером шли маслята¹⁸.

Я ценю доброту соседей, уже знал, кто на выстрел к нам едет.

– Что ж, прощай, – ей сказал, зверю, плачущей на старом плече.

А когда выходил из подъезда, то в меня полетели вазы. Звонкий мат вперемешку с воем... я такого не слышал ни разу.

Машинально их взял из сугроба, за углом уже выла сирена...

Я бежал, оступаясь в слякоть, как солдат из вражьего плена...

---

¹⁷ Пальцы на Петровке – имеется в виду картотека дактилоскопических отпечатков пальцев в главном управлении МВД, Петровка, д. 38, лиц, так или иначе нарушавших закон, или просто попавших под подозрение этого ведомства.

¹⁸ Маслята (крим. жарг.) – патроны.

13. Годы

А потом пролетели годы, и сбылось предсказание деда, как спецслужбы себе добудут долгожданную власть, победу.

Кореша все да дед – в могиле, а полковники – правят балом, ручеёк – жизнь, и не пристало просто так полоскать ебало.

Вазы так и стояли у мамы, а мы жили да не богатели.

И от пива и сырных чипсов мои девки все потолстели; даже я, Колымы не изведав, чуть немного внизу раздался, по счастливым случайностям, как-то, на свободе живой остался.

А Машуту прирезал турок, её ненависти испугавшись, когда била его чем попало, в мыслях с жизнью уже попрощавшись.

Я пошёл на её могилку, там курил и налил нам водки, с сотню баб было, а ведь надо? Встала ведь поперёк глотки!

Я хотел ей поставить вазы, только стырят бомж или смотритель, слишком бедные прагматичны, хотя как и любой небожитель...

И весной, когда вновь обострение, завожу твоего

Генсбура,
голос Биркин¹⁹ ему подпевает... Вот зачем ты стреляла,
дура?

С вазой чокнусь хрустальной рюмкой, если что —
так и нет камина.

Почему-то мне бог отмерил
жизни – но без камина. Длинной.

---

¹⁹ Биркин, Джейн – англо-французская певица, жена Сержа Гинзбора, более известная, пожалуй, благодаря одноименной коллекции премиальных дамских сумок Birkin от компании Hermes.

Гончая 2017

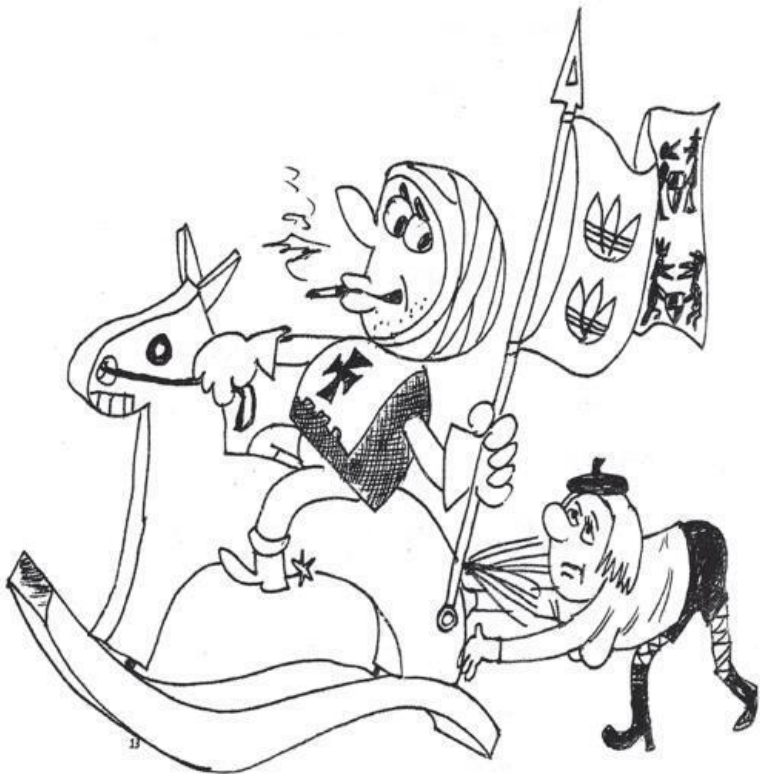

Собака гончая не бегаёт уже,
велел хозяин написать ей мемуары.
Обрывки мыслей – разноцветное драже.
Ну, так бывает, если мысли стары.
О чём писать? Как зайца догнала?
Но их потом – их сотни, может тыщи,
и истину, как в мисочке вина,
меж первым и последним не отыщешь.
Поймавши одного, стремительно летишь,
другого, третьего – так до изнеможения,
а повезёт – выставку посетишь,
и случка – аккурат на день рождения.
Мелькают лапы, сердце бьёт в груди!
И хриплый лай – он не для эпатажа.
Все годы – жопы зайцев впереди,
а по бокам – размытые пейзажи.

Вдруг 2016

Вдруг бывает не только пук,
вдруг бывает, предаст друг,
вдруг бывает, долг не вернут,
вдруг бывает, челюсть свернут,
вдруг бывает, уйдёт жена,
вдруг бывает, падёт страна,
вдруг бывает: глядь – новый флаг!
Вдруг бывает, стал другом враг.

Вдруг окажется, что всё – не вдруг?
Вдруг организм запланировал пук?
Вдруг и не думали денег вернуть?
Вдруг планировали челюсть свернуть?
Вдруг не в том считаем, не то?
Вдруг телогрейка теплей пальто?
Вдруг однодневка верней жены?
Вдруг и не было той страны?
Вдруг уродливей новый флаг?
Вдруг и остался врагом враг?

Gucci

2017

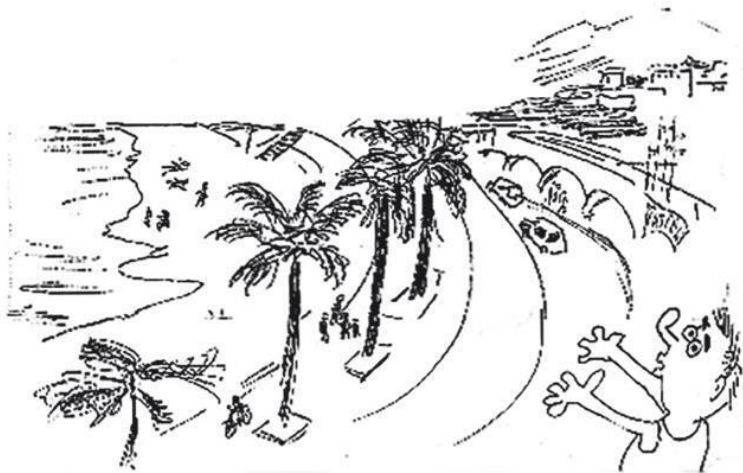
Правильная самочка прежде смотрит шуз,
и по ним понятно: шестёрка или туз.
Ну, напялишь ты костюмчик, взятый напрокат,
и «Айфон» в кредит лишь скажет, что дегенерат.
То ли дело – шуз из кожи, типа «Гуччи-глюч»...
Это – доступ к нежной коже, это – к сердцу ключ!
В этом мире всё продажно, не продаст лишь мать.
И собака-друг отважно станет защищать.
Остальное – соглашения. Не плачь, не канючь,
иди, в ЦУМ, и там ты купишь классный «Гуччи-глюч».
А потом, натискав кукол, силикон лизав,
на природе просто вспомни, что тебе сказал.
Верный пёс, ружьё, «Ленд-Крузер» – тебя не подведут,
сапоги чёрной резины в другой мир уведут.
Мир простой, как болт и гайка, как булатный меч.
Там найдёшь крестьянки ноги, для своих ты плеч,
Улыбаясь, в тебя смотрят любящие очи...
Впрочем, тоже – соглашение.
Всё, писать нет мочи.

На трубе ли, под трубой

2017

На трубе ли, под трубой познакомились с тобой?
Но, система «свой – чужой» в моём мозге дала сбой.
Ты была девчонка-пай, джинсы от Versache,
я обычный был солдат. Ну, солдат удачи.
Глазом мерил кегельбан, чуть опорожнив стакан,
разомлевший от жары, я катал свои шары.
Паренёк, что был с тобой, – позвала его труба.
На смартфон он посмотрел, как в кино братва.
На тебя чуть поглядев, побежал к своей трубе,
но обиду разглядел я на твоей нижней губе.
Предложил знакомство я, но взгляд свысока
повалил меня, как бык ковбоя-смельчака.
Пронеслось в твоём мозгу: «Что за лоховня?
И что эта лоховня хочет от меня?»
Мы представились друг другу, и – коктейли пить.
Ну о чём? Об увлечениях пытались говорить...
На трубе – ты, под трубой – я, что тут выяснять?
Неудобство и смятение. Зачем мне эта б. дь?
Всё у вас есть, кто сидит на трубе:
конферансье, сомелье, залупэ...
Билеты в партер, а не в бельетаж,
даже в «Роллс-Ройсе» для попы массаж!
Классовой злобой сердце полно,

у нас под трубой одно лишь... оно,
да, недотроги! На обочинах сельской дороги...
Но даже под трубой – не буду пессимистом:
заваялось по карманам где-то рублей триста —
хватит на чекушку мне плюс пиво, может быть,
неудачу в кегельбане поскорей забыть.

Конечно Осень 2018

Конечно, я бы мог уехать в Ниццу,
На пляж ходить через бульвар Европы,
В кафешках пить «Отард», заглатывать пиццу.
Вот, если бы в деньгах не было жопы.
Ну, даже я бы мог сорваться к тайцам,
Гонять на джипах в джунглях неприступных,
Есть фуагра и страусины яйца,
Но по финансам это недоступно.
Сказала жизнь доходчиво: Юрчелла!
Сиди ты ровно. Тихонечко сиди!
Ты фруктик, к сожалению, переспелый.
Не только жопа, у тебя всё позади.

Чудак на букву «М»

2018

Любят попинать в кругу: давай, пиши без мата!
Повторить-то не могу Окуджаву я Булата!
Я же вам не Пастернак! Не Чингиз Айтматов!
Просто городской чудак, на букву «М», однако.

– Зачем пишу тетрадошки? – спросил я у судьбы.
– Давай пиши, – та говорит, – не делай в мозг «би-би»!
Вот станешь, Юрка, стареньким, подписывать
в штанцы,
не будешь бороздить машиной в разные концы,
за неимением лучшего и будешь вспоминать
того, что не потрогать, теперь уж не познать.

Открыл свою тетрадошку... отпил коньяк (кефир),
и текст коряво-матерный вернул мне прошлый мир;
фигнёй страдал и бегал я по лужам, по воде
и снова, сути не словив, причаливал к пустоте.
Да... Вот воспоминания согрели слегонца,
как малолетку в стужу – тепло руки отца.
Согрел меня не арманьяк с армянских гаражей,
что разливают бомжота, почёсываясь от вшей.
Это душевное тепло, его и не купить!
И благодарен я судьбе, что подучила жить.

Porsche Cayenne

Апрель 2019

Это Кутузовский, аж шесть полос,
«сталинки» старые, цвета понос.
Провинциал, сразу пей «фенибут»,
без поворотников тут за. ут.
Станешь потеть и в сиденье пердеть,
станешь домой ты в деревню хотеть,
и твоя старая тихая «Нива»
будет опасно двигаться криво...

Дождик противный злобно моросит;
с мордой квадратной, восемь на восемь,
ГИБДДшник, с пузом обвисшим
координирует существам низшим.
Зорко, как чукча в прицеле на белку,
восемь на восемь косится на стрелку.
Толстые пальцы на пульт нажимают,
красным огнём путь перемикают.

Чёрные, серые, белые, синие —
остановились машины у линии.
Первым в «Кайенне» – шахтёр из Донбасса,
знатный забойщик высокого класса.
Следом в «Кайенне» – простая давалка,

меньше чем за сто евро – ей жалко.
Дальше в «Кайенне» – седой генерал,
что моджахедам полсклада продал.
За ним в «Кайенне» рулит судья,
так всё оформил – налог ни рубля!

Вот на «Кайенне» – студент из Абхазии,
он в нём живёт, лишь помыться вылазает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.